

✦ Профессиональное кредо

А.А. ГУСЕЙНОВ, Ю.М. РЕЗНИК

ЭТИКА ФИЛОСОФА (В ПОРЯДКЕ ДИАЛОГА)*

***Аннотация:** Данная работа представляет собой первую часть развернутого интервью Ю.М. Резника с А.А. Гусейновым. В целом интервью посвящено одной из самых актуальных проблем в отечественной философии – профессиональному самоопределению философа в современном мире, рассматриваемому в его нравственном измерении. В первой части речь идет о предметных основаниях этики, о природе морали и трудностях ее философского познания.*

***Abstract:** This work is the first part of a detailed interview conducted by Yu. M. Reznik with A.A. Guseynov. As a whole the interview is devoted to one of the most urgent problems in Russian philosophy – that of the professional philosopher's self-awareness in contemporary world which is regarded in its ethical dimension. The first part of the interview deals with the substantive grounds of ethics, the nature of morality and the difficulties of its philosophic cognition.*

***Ключевые слова:** философия, этика, культура, мораль, нравственность, моральный абсолютизм, моральный релятивизм, этический универсализм, этический партикуляризм, индивидуальная этика, социальная этика, прикладная этика.*

***Keywords:** philosophy, ethics, culture, morality, moral absolutism, moral relativism, ethical universalism, ethical particularism, individual ethics, social ethics, applied ethics.*

***Резник Юрий Михайлович:** Уважаемый Абдусалам Абдулкеримович! Мы знакомы с Вами с начала 1980-х годов, когда я еще был студентом философского факультета МГУ, а Вы – уже признанным исследователем и преподавателем. Тогда Вы читали нам курс этики. С тех пор прошло много лет и мне снова удалось встретиться с Вами, но теперь уже в качестве научного сотрудника возглавляемого Вами института.*

Я давно хочу с Вами откровенно побеседовать. Предлагаю в качестве темы нашего разговора избрать этику философа. Ее актуальность для нашего философского сообщества не нужно объяснять.

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института философии РАН (Москва);

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество» (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Сегодня философия переживает трудные времена. Кто-то из специалистов по философии ушел в бизнес или политику. Иные перешли в другие сферы деятельности. И всё же большинство выпускников философских факультетов и отделений работает в вузах, передает крупицы философской мудрости молодому поколению. Но по-настоящему философией занимаются лишь немногие, только те, кто целиком и полностью посвятил себя ее служению. Думаю, что это относится и к Вам, поскольку Вы сохранили веру в уникальность философского взгляда на мир и высокое призвание философа. И для Вас философия является не только учебной дисциплиной или родом деятельности, но и делом всей жизни.

Абдусалам Абдулкеримович! Вы — не только известный в стране и за рубежом специалист по философии морали, но и публичная личность. Вас знают и узнают очень многие люди, в т.ч. и те, кто не относится к философскому сообществу. Поэтому мои вопросы будут связаны не только с кругом Ваших философских интересов, но и с Вашей гражданской позицией. И все же преобладающей в нашем разговоре будет этическая проблематика. Я хочу, чтобы Вы не сомневались в искренности моих вопросов. Я обращаюсь к Вам не как Ваш подчиненный, а как редактор журнала. Надеюсь на столь же искренние и откровенные ответы.

Об этике, как таковой

Ю.М.: Абдусалам Абдулкеримович! Я читал Ваш учебник «Этика», изданный в соавторстве с Р.Г. Апресяном, а также другие Ваши книги и статьи. Честно признаюсь без всяких признаков лести, мне нравится стиль Ваших рассуждений. Вы обладаете силой убеждения и вместе с тем научно-публицистическим даром. Но совсем недавно мне попался в руки сборник материалов конференции, приуроченный к 90-летию со дня рождения профессора В.Г. Иванова (далее я буду цитировать эту книгу без сносок). Мне показалось, что сборник выражает достаточно репрезентативную панораму мнений о современном состоянии этики. С Вашего позволения я буду использовать материалы этого сборника, в т.ч. и Вашу статью, для иллюстрации позиций участников дискуссии о природе этического в философии и практике.

Для начала я хочу задать Вам несколько вопросов о предметном и онтологическом статусе самой этики. В Вашей статье «Этика как практическая философия» я нашел целый ряд интересных положений, которые, тем не менее, вызывают у меня вопросы. Первый вопрос относится к определению предметных оснований самой этики. Что же является ее предметом: мораль, прекрасное («познавательное возвышение по ступеням прекрасного») или совершенное (стремление человека к совершенству)? В разных фрагментах Ваших текстов я встречал как первое, так и второе, и третье. Но предмет дисциплины — не слоеный пирог, а целостное представление об объекте. Что же всё-таки главное в предметной области этики?

Второй вопрос. В чем состоит, на Ваш взгляд, сущностная специфика морали как сферы философского исследования? Какова онтология этического? Является ли мораль феноменом бытия или ее следует рассматривать как феномен культуры? Что находится за пределами морали? «Бытие» Парменида, «субстанция» Спинозы, «ноуменальный мир» Канта, «абсолютная идея» Гегеля или что-то еще?

Третий вопрос. В философии известны разные попытки разведения понятий этики, морали и нравственности. В своем учебнике Вы приводите примеры Канта и Гегеля. Имеет ли смысл сегодня вести спор о нетождественности (различимости) понятий

этики, морали и нравственности? Можно ли предположить, например, что мораль относится к классу явлений общественной жизни (отношения между людьми, совокупность норм и пр.), а нравственность характеризует особые качества и поступки личности (честность, правдивость, доброта и т.д.)?

Разумеется, я не жду от Вас развернутых ответов, иначе это может вылиться в целую книгу.

Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов: Предмет этики, если мы условимся для краткости разговора не разводить понятия предмета и объекта науки, — это, конечно, мораль. Вся проблема и трудность, ставящая в тупик людей, которые стремятся к однозначности в употреблении слов и понятий и которые привыкли четко разводить вещь и ее обозначение в слове, состоит в том, что в случае этики знание о предмете входит в сам предмет, и понятие морали опосредовано этикой.

Простой пример. Уже в древности возникли этические учения, одно из которых говорило, что мораль состоит в стремлении к удовольствиям и учило правильно наслаждаться, другое, что мораль заключается в отказе от удовольствий и намечало путь такого отказа. Это — учения киренаиков и киников, ставшие устойчивыми интеллектуальными традициями. Представьте теперь себе двух людей, которые являются приверженцами этих традиций, считая их истинными (каждый, разумеется, свою) и воспринимая в их нравственно обязывающем содержании. У этих людей будут не только разные взгляды на мораль, но и сама культивируемая ими мораль будет различной.

Сопоставим это с примером из другой области. Существуют разные теории ощущений: из университетского курса психологии помню, что одни рассматривали их как субъективный образ внешнего мира, другие — как врожденные состояния наших органов чувств. Давайте представим, что два человека имеют разные взгляды на этот предмет. Разве это скажется на том, как они ощущают?! Все дело в следующем: мораль, а вслед за ней и этика говорят не о том, что есть, а о том, что должно быть. Мораль не просто отражается в этике, она в ней получает продолжение. Этика не просто описывает (исследует) свой предмет, она его также формирует. Нет ничего удивительного, что у разных философов мы находим и разные морали: у Платона — возвышение к прекрасному, у Канта — добрая воля, у Ленина — борьба за коммунизм. Я думаю, все, и простые люди и философы, исходят из интуитивно принимаемой очевидности, согласно которой мораль есть область индивидуально-ответственного существования человека, и кантовский вопрос «Что я должен делать?» довольно точно эту область описывает.

Это прямо подводит ко второму Вашему вопросу. Онтология морали, если говорить в двух словах, — это онтология свободы. Это не значит, что мы говорим о морали тогда, когда говорим о свободе. Это значит, что мы говорим о свободе (говорим о ней предметно, в ее явленности) тогда, когда мы говорим о морали.

Философский статус этики задан в классическом делении философии на физику, логику и этику. Здесь дано философское расчленение мира: познающий и правильно организованный с этой целью разум (логика) имеет дело, с одной стороны, с природой как с царством необходимости, а с другой стороны, с этикой как царством свободы и человек как разумное существо укоренен в мире во всей полноте указанных трех его качественных состояний. Соответственно логика, физика и этика — это аспекты и мира в целом, и самого человека.

В Вашем вопросе меня смущает противопоставление бытия и культуры. А культура разве находится за пределами бытия? Не обязательно быть приверженцем Парменида и думать, что быть и мыслить суть одно и то же, чтобы видеть в культуре форму человеческого бытия. Ваш вопрос «Что находится за пределами морали?» выдержан в логике, превалировавшей в философской традиции и являющейся своего рода проклятием европейского ума — выводить этику из гносеологии и искать основания морали.

Когда Вы так ставите вопрос, Вы спрашиваете о следующем: в силу какого знания человек совершает нравственные поступки? А он совершает их не в силу знания, а в силу своего решения. Когда Вы или я совершаем те или иные поступки, то они входят в область морали, становятся предметом моральной оценки не в силу оснований, по которым мы их совершили, а в силу того лишь, что их совершили, соответственно, Вы или я. Вы не можете ответить на вопрос, что есть человек, не ответив, не включив в свой ответ другой вопрос о том, в чем он видит свой долг.

Этика не вытекает из антропологии, она задает антропологию. Этика как самостоятельная область философского знания была выделена и систематически развернута Аристотелем. Первым шагом на этом пути было то, что он отделил ее от метафизики, сказав в полемике с Платоном, что благо само по себе и благо как цель деятельности, сопряженная с нравственными (этическими) добродетелями — это разные вещи, и они изучаются разными науками. Этика рассматривает человека в качестве субъекта, принимающего решения о своих поступках, как последнюю реальность, так, как если бы за ней никакой другой реальности не существовало.

Моральный индивид не продолжает причинный ряд. Он начинает его. Не случайно ведь мораль связана с идеей абсолютного. Моральный индивид не может спрятаться за мир — вот в чем заключается тайна морали, в которую мы все втянуты и которую пытается разгадать этика.

Вы предлагаете самое, казалось бы, очевидное разведение понятий морали и нравственности как общественных нравов и личностных добродетелей. Можно так сделать, но что это дает? Обратите внимание: вопреки самому звучанию языка, «нравы» Вы предлагаете называть моралью, хотя здесь просится слово «нравственность». В литературе предлагаются и другие варианты, само обилие которых говорит об искусственности такого разведения. Мне кажется, в этом случае мы стремимся добиться более строгой точности, чем это диктуется самим предметом. А не лучше ли довериться опыту повседневной жизни и естественного языка, не принимающего этих «ученых» различий. Все три слова за пределами профессиональной литературы употребляются как взаимозаменяемые, если, конечно, не считать нелепых случаев, когда они пишутся через черточку (морально-нравственный, морально-этический). Хочу обратить внимание, в подавляющем большинстве европейских языков нет трех терминов, а только два заимствованных из греческой и римской древностей — этика и мораль. И, кажется, даже они в повседневном словоупотреблении перекрещиваются.

Ю.М.: *В своем «Введении к этике» (М., 1985) Вы рассматриваете этику как науку: «этика как наука покоится на двух основаниях: фактах реальной нравственной жизни и философском мировоззрении». Такое разграничение этического знания на знания о фактах и знания о сущности не совсем понятно. Ведь знание едино. К тому же мораль, как Вы утверждаете, имеет ценностную природу. А «ценности нельзя вывести из фактов». И далее: «Этика — это наука о морали и в определенной степени*

элемент самой морали». Изменилось ли сегодня Ваше отношение к дисциплинарному статусу этики? Чего всё же в этике «больше» — философии или науки?

А.А.: Если Вы хотите точную формулу, то можно сказать: этика есть философская наука. И в ней науки столько же, сколько вообще в философии. Об этике нельзя рассуждать по канонам естественных наук. Разница здесь следующая: естественные науки (и гуманитарные тоже, в той мере, в какой они — науки) отражают свой предмет; это значит, что предмет существует до науки, отдельно от науки и, что существенно, в другой форме, чем наука: предмет существует объективно, в материальной форме, а наука — субъективно, в идеальной форме. Наука и ее предмет совпадают по содержанию, но различаются по форме; к примеру: законы Ньютона — это и законы физики и законы самой природы, различие в том, что в одном случае, в природе, они существуют объективно, материально, а в другом случае, в физике, — субъективно, идеально. Что касается этики и морали, то они различаются по содержанию, но совпадают по форме. Мораль, конечно, предшествует этике, но уже и в этом «доэтическом» состоянии она представляет собой совокупность идеальных форм (добродетелей, норм, представлений о смысле жизни и т.п.) и тем самым заключает в себе этику. Хотя, разумеется, этика не повторяет мораль, а развивает, очищает, перерабатывает ее, говорит о ней больше, чем она сама о себе может сказать.

Что касается вопроса о соотношении морали и фактов, то мораль из фактов не выводится. Это ясно уже из определения морали как области должного, ценностей. Она задает факты, предшествует им, так же как вообще цель предшествует результату. И в этом отношении мораль заключает в себе нечто особенное. Цель может воплотиться в результате, дома строятся по замыслам и проектам архитекторов. Но существуют ли чистые моральные факты в качестве результатов моральных целей — это большой вопрос. Ученые в лабораториях создают искусственные условия для доказательства истинности своих гипотез, а тем самым и их фактической достоверности. У этиков нет такой лаборатории. Трудно в реальном опыте найти поступки, которые совершались бы по одним лишь моральным мотивам (поэтому-то в этике и моральном сознании огромную роль играет мысленный эксперимент). Не только сама мораль, но и ее идентификация остается делом доброй воли.

Ю.М.: *Продолжим линию рассуждений о статусе этики. Напротив, в учебнике «Этика» (М., 1998) Вы рассматриваете этику как преимущественно философскую дисциплину. Такое мнение складывается после прочтения уже первых страниц Вашей книги. Но при этом вместо развернутого определения предметной области этики Вы предлагаете расшифровку самого термина «этика». И тут же заявляете, что «этикой» мы будем называть науку, область знания, интеллектуальную традицию, а «моралью» или «нравственностью», употребляя эти слова как синонимы, — то, что изучается этикой, ее предмет. Вы подразумеваете под этикой всё, что угодно (науку, интеллектуальную традицию и пр.), но только не философию. Вы, действительно, убеждены, что этика — это наука, а не традиционный раздел философии? Или это — обыкновенное метафорическое выражение, которое призвано придать научную строгость и логическую стройность этическому знанию. Откуда у Вас такое устойчивое стремление приравнивать этику к науке? Разве недостаточно ей оставаться философской дисциплиной?*

А.А.: Ваши вопросы и недоумения законны, но они относятся в целом к дисциплинарному статусу философии и к многозначности понятия «наука», не говоря уже об интеллектуальной традиции. Можно, конечно, отделять философию от на-

уки, на эту тему много высказано серьезных суждений, хотя хватает также и спекуляций. Но существуют некоторые жесткие факты. Вы, например, никуда не денетесь от того, что когда-то одна лишь философия (разве что вместе с математикой) считалась наукой.

И прочие науки, в том числе само понятие науки в узком, новоевропейском смысле слова, сложились посредством философии, в значительной степени возникли из нее. И отношение философии к науке — иное, чем, например, ее отношение к искусству, к праву, к религии. Про эти области культуры (в отличие от науки) мы не можем сказать, что они выросли из философии. Так что, если неправильно отождествлять философию с наукой, то еще более неверно противопоставлять ей. Ведь существуют не только родные братья, но и двоюродные.

Ю.М.: Не меньше вопросов у меня вызывает Ваше определение морали, приведенное в учебнике «Этика». Мораль — это то, что должно быть. Это — одновременно (а) «характеристика личности, совокупность моральных качеств, добродетелей, например, правдивость, честность, доброта и (б) характеристика отношений между людьми, совокупность моральных норм (требований, заповедей, правил)...».

А почему в определение морали нельзя ввести вероятностное измерение: это — то, что может быть (как нравственный выбор), но не обязательно должно быть (как нравственный идеал). Слуга при изменении социальных условий может стать господином и сменить свою этическую парадигму. Теперь то, что должно для него как слуги, вовсе не является обязательным как для господина.

Почему Вы так настаиваете на нормативистской и универалистской трактовке морали? Мне это трудно понять. Возможно, я не до конца Вас понимаю. Еще, возможно, потому, что я разделяю в основном релятивистскую и партикуляристскую трактовки морали (нравственности). Поскольку я рассматриваю мораль как феномен культуры, а не бытия вообще, то, на мой взгляд, в каждой культуре (и субкультуре) складывается своя собственная мораль. Например, мораль граждан США не совсем подходит для регуляции нравственного поведения китайцев, если только они не живут в американском обществе. Поэтому я не верю в общечеловеческие ценности, равно как и в «моральный кодекс строителя коммунизма». Вообще мне чужды любые универалистские концепции культуры, морали и нравственности. По всей видимости, у Вас другое мнение.

А.А.: На это я Вам могу сказать, что я еще больший релятивист и партикулярист, чем Вы. Вы говорите, что у американцев одна мораль, у нас — другая. А я иду еще дальше и говорю: у Вас одна мораль, у меня — другая. А у нашего коллеги Иванова — третья. Мораль — это индивидуально-ответственный способ существования. Она меняется не только от народа к народу, от эпохи к эпохе, от поколения к поколению, но и от индивида к индивиду.

Пространство морали — это пространство поступков, которые, как известно, имеют своих авторов и каждый в отдельности, и в их индивидуально-выстроенных поведенческих рядах. Здесь мне очень близка, не просто близка, а я принимаю позицию М.М Бахтина, который связывал нравственное качество поступка с единственностью того, кто его совершает, и без кого он никогда бы не имел места в мире. И совершает этот поступок индивид с того единственного места в мире, которое он занимает и на котором не может быть никто другой, ибо там находится именно он. И врываясь своим поступком в мир, человек включается в универсальность мира и

создает свою универсальность. Если Вы находитесь в бесконечном ряду, то откуда бы Вы ни начинали счет, Ваш счет будет бесконечным.

Мысль моя такая: единственность человека делает моральные основания его существования универсальными. Они универсальны, потому что ниоткуда не заимствованы (Вы же сами говорите, что мораль из фактов нельзя вывести) и потому что заданы без какого-либо расчета на результат (выгоду, успех, моральное одобрение, соответствие идеалу и т.д.). Ведь согласитесь, единственность есть универсальность уже по определению. Правда, философы говорили о множественности миров, но это был их способ сказать о бесконечности мира или, что одно и то же, единственности космоса.

Теперь о том же самом в терминах абсолютности и релятивизма. Допустим, мы принимаем точку зрения абсолютности морали. Из этого вытекает, что ни одно суждение о морали и ни один случай моральности (о каком бы лице, народе, эпохе ни шла речь) не могут быть абсолютными. Все они относительны именно потому, что мораль абсолютна. Это значит, что никто — ни отдельный человек, ни партия, ни народ, ни государство, ни церковь и т.д. — не могут говорить от имени морали. Потому именно не могут, что она абсолютна. И если кто-то из них это делает, то это означает, что они свою релятивность выдают за абсолютность. Следовательно, они не только вправе жить каждый по своим нравам, но только так они могут и обязаны жить.

А теперь давайте примем взгляд, что мораль релятивна. Тогда каждый может и должен сказать, что его понимание морали и есть истинное понимание, а другое (в особенности, противоположное) является ложным. Что его позиция тождественна добру, а противоположная воплощает зло. Добро же представляет собой деятельное состояние, его надо утверждать, точно так же как зло — искоренять. На таком убеждении стоит вся мораль. Тем самым релятивизм как исходная позиция неизбежно оборачивается абсолютизмом нравственной непримиримости. До того, как людей разделяют окопы, и именно там, где вырываются окопы, между ними прочерчивается линия добра и зла. Величайшая гуманистическая миссия философской этики состоит в том, чтобы не давать теоретическую санкцию на проведение этой линии, не давать никому права выступать от имени морали, считать себя безгрешным, а свою веру и свое убеждение — единственно истинными.

Ю.М.: Абдусалам Абдулкеримович! Этика, мораль, включая понятия добра и зла, — явления духовной жизни людей, которые следует рассматривать, по Вашему мнению, в идеальной перспективе выхода за свои границы. Вы как гуманист и оптимист видите эту запредельность этического в окончательном торжестве добра над злом. А возможен ли другой выход, когда зло в ближайшей или отдаленной перспективе победит добро в большинстве сфер человеческой жизни? Что в этом случае изменится в мире, в котором «темные» и «злые» силы получают подавляющее господство? Может быть, они перестанут быть только «темными» и «злыми», и среди них выделится более «светлые» и «добрые». Допускаете ли Вы такую ситуацию и что может воспрепятствовать ее возникновению?

Представьте себе, что Гитлер (олицетворение зла как с позиций прошлого времени, так и сегодняшнего дня) одержал бы победу во Второй мировой войне и навязал миру свой бесчеловечный порядок. Как бы тогда большинство обывателей, далеких в своей повседневности от официальной политики и идеологии, стали оценивать нравственные поступки людей, стремящихся к свержению привычного и дающего минимум жизненных благ соци-

ального порядка? Ведь для многих из них любые порядок и стабильность лучше, чем беспорядок и хаос. Еще сложнее дело обстоит бы с их потомками, которые могли родиться и вырасти при нацистском режиме с его переписанной заново историей, идеологией, мифологией и пр. Как Вы прокомментируете эту воображаемую ситуацию?

А.А.: Видите ли, если просто рассуждать логически, зло не может победить добро. Этого не может быть по определению. Ведь зло — это то, чего люди избегают. А добро — это то, к чему они стремятся. Таковы исходные определения этих понятий. Все последующие характеристики добра и зла суть продолжение, конкретизация данных определений. Поэтому-то, кажется, Фома Аквинский, говорил, что абсолютное зло невозможно. Оно потому и невозможно, что уничтожило бы само себя. Если же говорить о конкретных позициях, маркируемых как «добро» и «зло», то здесь мы уже переходим в область социологии и анализ, соответственно, должен быть социологическим.

Что касается Гитлера и того ужаса, который он олицетворял, то моя позиция абсолютной морали позволяет философски дискредитировать Гитлера и его дело, так как он свои примитивные националистические и в этом смысле несомненно ограниченные, релятивные цели выдавал за абсолютно истинные, на что не имел права. А как бы Вы могли дискредитировать его в рамках релятивистской, партикулярной морали? Ведь Гитлер тоже не говорил, что он несет зло человечеству, он тоже говорил, что спасает человечество, избавляет его от того, от чего он хотел избавиться, даже пытался «научно» обосновать свой пещерный нацизм.

Ю.М.: *Наша жизнь пронизана разнообразными ценностями. Среди них выделяют ценности человеческой жизни, свободы, счастья, творчества и т.д., которые чаще всего называют общечеловеческими. Признаете ли Вы само понятие «общечеловеческие ценности» и в чем, с Вашей точки зрения, состоит нравственный смысл этих ценностей? Чем моральные (нравственные) ценности отличаются, например, от экологических?*

А.А.: Мораль, конечно, феномен сугубо человеческий и в этом смысле — общечеловеческий. Поскольку Вы говорите о ценностях разного рода, то мораль можно назвать ценностью ценностей. Каждая форма культуры развивается в своем собственном искусственно заданном пространстве: драматургия — в пространстве театра, спорт — в пространстве стадиона, наука — в пространстве лаборатории, религия — в пространстве храма. А мораль задает, обрамляет саму культуру как пространство человечности, внутри которого выделяются уже ее особые сферы. Это, если хотите, аксиологический обруч культуры. К примеру, мы даем друг другу разного рода обещания, которые, как принято считать, следует выполнять. Но так принято считать именно потому, что мы когда-то дали обещание выполнять обещания и скрепили это изначально и основополагающее обещание моралью в качестве духовного базиса человеческого общежития.

Кстати, опять возвращаясь к альтернативе релятивизма — абсолютизма (уж извините за назойливость), можно было бы спросить — а что будет, если, приняв точку зрения этического релятивизма, сказать: а я не считаю, что надо выполнять обещания; останемся ли мы в этом случае в пространстве морали? Или взять другой пример: люди в частной и общественной жизни стремятся заблокировать, приглушить, преодолеть разного рода проявления насилия и лжи, которые многообразны, вкраплены в нашу повседневность на всех уровнях, постоянно воспроизводят себя, меняют свои формы, чаще всего выдают себя за нечто противоположное. Борьба с ними

каждый раз конкретна, специфична, но в ее основе лежит общее, универсальное и абсолютное убеждение, которое закреплено в моральном запрете на насилие и ложь. Вы можете каждый раз спорить, обсуждать, что и как делать в той или иной ситуации, как ее морально квалифицировать с точки зрения того, в какой мере она подходит под определение насилия и лжи, но вы не можете поставить под сомнение сами эти запреты.

Ю.М.: Теперь хочу Вас спросить об идее двух этик. Уже в учебнике и цикле статей о природе морали Вы включаете в общий анализ морали два аспекта: моральное измерение личности и моральное измерение общества. При этом из поля Вашего зрения выпадает понятие «мораль социальных групп» (по-видимому, для Вас — это часть социальной этики). Сюда относится характеристика профессиональной, классово-этнической и прочей морали. Если индивидуально-личностная мораль характеризует меру господства человека над самим собой, то социально-групповая мораль означает служение не общим ценностям, долгу и пр., а интересам конкретных социальных групп. Так ли это или нет, на Ваш взгляд?

А.А.: Общественная мораль — имея в виду мораль конкретных обществ, групп и т.д. — это, как я понимаю, область социологии. Социология нравов — важная и, к сожалению, запущенная часть социального знания. Общественная мораль становится предметом философской этики в ее прямой и непосредственной связанности с индивидуальной. И обнаруживается в зонах, точках, аспектах личностного присутствия, например, там, где мы свою общественную позицию закрепляем личной подписью, персональным голосованием и т.д. Моральный субъект есть нечто иное (по Зиновьеву, например, прямо противоположное), чем социальный субъект: достаточно сказать, что первый действует от себя и по основаниям, которые сам себе задает, а второй — в составе группы и по законам последней.

Ю.М.: Опять же, на мой взгляд, «стремление к завершению» и достижение совершенства есть не только отличительная особенность человека прежней эпохи, но и конец старой, классической этики как этики развития (совершенствования). Последняя нацелена на «высшее благо», которое обнаруживается в свою очередь в наличии у человека доброй воли. Общественная же мораль означает способность человека жить в общезжитии, т.е. строить отношения с другими на основе общих правил.

Но как можно соединить в общем понятии морали трансцендентное стремление к высшему благу, добрую и к тому же свободную (и автономную) волю, идущую от индивидуального субъекта, и всеобщность (объективность и общезначимость), которая задается нормами коллективного субъекта? У меня это всё не совмещается в сознании. Но, возможно, такая универсалистская и нормативистская трактовка морали имеет право на существование. Я не знаю. Но мне она кажется нереальной, не имеющей отношения к конкретной морали. Впрочем, это нормально для универсалистской модели. У Вас как специалиста, наверняка, есть свое мнение на этот счет.

А.А.: Об этом я уже отчасти высказался, отвечая на предыдущие вопросы. Несколькими добавлениями. Способность жить в общезжитии — это не характеристика общественной морали, а одно из общих определений моральной способности вообще. И она, как всякая моральная способность, обнаруживает себя исключительно в индивидуально-ответственном поведении. Мораль получает общественное выражение именно в качестве и через позицию личности, которая действует автономно — в соответствии с теми принципами, которые она сама себе задает и которые с ее точки

зрения являются наилучшими. Вы говорите, как можно совместить автономную волю и всеобщность, а между тем, Кант видел свое открытие именно в том, что человек, следуя своему собственному долгу, следует тем самым одновременно долгу всеобщему. И я точно так же могу недоумевать, как можно обосновать всеобщность морали вне идеи автономности субъекта — не через волю же вождя или научно выверенных предписаний?!

И в этой связи — ключевой вопрос о коллективном субъекте. На мой взгляд, о морали коллективного субъекта можно говорить в очень условном и фигуральном смысле и только применительно к каким-то организованным группам, принадлежность к которым учреждается на добровольной основе (типичный пример — политические партии). И говорить об этом можно, только имея в виду, что эти коллективные субъекты действуют как индивидуальные, так, как если бы они были отдельными личностями. Мораль — способ бытия личности в ее именно личностной выраженности, и это, между прочим, доказывает относительность противопоставления личности и общества.

Ю.М.: В Ваших словах о морали я обнаружил некоторое сходство с определением культуры, которое в свое время предложил В.М. Межуев. Возможно, что это случайное совпадение, но может быть, здесь скрывается Ваша с ним идейная близость. Не мне судить. Но вот, что интересно. Мораль у Вас и культура у Межуева определяются в духе авторского прочтения персонализма, т.е. как способ личностного бытия человека, разумеется, с учетом исторических реалий.

Вы утверждаете, что мораль коллективного субъекта — понятие весьма относительное и избирательное. Источник существования морали — автономная личность, обладающая способностью принимать решения и брать на себя ответственность. Но тогда не может быть общественной морали. Или последняя слагается из индивидуальных этик отдельных личностей. Не думаю также, что Вас стоит подозревать в индивидуалистическом номинализме, поскольку личностное измерение морали плавно перетекает у Вас же ее универалистскую трактовку. Оказывается, всё дело в уникальности и брэнности человеческого бытия, что придает ему особое, нравственное звучание. Именно бытие «здесь-и-теперь» конкретного и единичного субъекта способно порождать нравственную ситуацию.

На мой взгляд, в этом кроется определенная двусмысленность. Нельзя быть одновременно субъектом морали, созданной по индивидуальному покрою в ситуации «здесь-и-сейчас», и претендовать на универсальность ее положений. Мне представляется, что у моральных максим всегда имеется свой конкретный адресат. И сфера приложения морали, «место встречи, которое изменить нельзя», и ее же «пункт назначения» — бытие-с-другими и бытие-для-других. Иначе всё, что мы приписываем морали (ее универсальность, общезначимость, регулятивность и пр.), теряет смысл. Ведь смысл морали заключается в том, что я (конкретный и единичный субъект) живу с мыслью о благе других (и себя как Другого — воображаемого, идеального и т.д.), а в повседневной практике веду себя благочестиво. И эти другие суть не только близкие мне люди, но и те, кого я лично не знаю. В определенном контексте мораль анонимна. Она содержит в себе интенциональный призыв к Другому, зов сердца. Это не просто другие (или Другой), с которым у меня складываются должным или благоприятным образом хорошие отношения. А это — место встречи людей как равнодостоинных и суверенных личностей, осознавших или осознающих в данный момент свое человечес-

кое предназначение. И о том, как должно быть, мы узнаем интуитивным путем. Вы же сами об этом пишете и говорите.

В своей статье из упомянутого выше сборника Вы вводите и отстаиваете разграничение индивидуальной и социальной этики, которое встречается еще у Платона. Основное различие между ними Вы видите в том, что первая исходит из личностного замысла человека и нацелена на его индивидуальное благо, а вторая базируется на безличных нормах и ориентирована на общее благо государства? Чем такое понимание принципиально отличается от дихотомии «этика личности — этика общества», предложенной Р.Г. Апресяном? Или речь идет об одном и том же разделении этического знания?

И еще один вопрос, связанный с идеей двух этик. Как разрешается, с Вашей точки зрения, противоречие между индивидуальным благом, основанным на склонностях и личных достоинствах человека, и высшим, базирующимся на общих ценностях и нормах? Ведь, если последовательно придерживаться Вашей позиции, изложенной в вышеуказанной статье, обе этики, хотя и связаны друг с другом, но в этой взаимной связи неравнозначны. Индивидуальная этика первична по отношению к социальной этике. Без внутреннего одобрения и принятия норм социальной этики последняя становится пустым звуком. К тому же индивидуальная этика, как Вы отмечаете, создает свой собственный образ общественной морали, который может вступать в конфликт с требованиями социальной этики, а, значит, при определенных условиях, сменить её ценностное ядро.

Отсюда следует, что можно быть моральным субъектом, игнорируя или опровергая господствующие в обществе нормы и ценности. Здесь недалеко и до этики субъективного произвола и нравственно оправданной практики индивидуального терроризма. Правда, еще остается не очень убедительное и чрезмерно абстрактное для действующего субъекта «золотое правило нравственности». Его он еще должен принять в качестве собственного правила или руководства к действию.

А.А.: В этой Вашей реплике заключено много сюжетов и вопросов. Отвечу только на некоторые, которые, на мой взгляд, важны в контексте уже наметившейся у нас с Вами линии разговора.

Вы разводите «индивидуальное благо, основанное на склонностях и личных достоинствах, и высшее благо, основанное на общих ценностях и нормах». Сразу хочу сказать, что это — не мое разграничение, и я не могу сказать, как они в рамках такого понимания соотносятся. В данном вопросе я следую за Аристотелем и полагаю, что моральный индивид нацелен на высшее благо, которое замыкает мир человеческих целей: оно отличается от прочих целей тем, что является целью как таковой и никогда не может быть сведено к средству.

О высшем благе, как и о добродетелях, которые ведут к нему: вы не можете задаваться вопросом, ради чего следует к этому стремиться; нелепо ведь спрашивать кого-либо, зачем он желает быть счастливым или мужественным. Что касается общества (государства, полиса), то оно нацелено на общее благо. По мере того, как этика переходит в политику, добродетели в законы, моральные индивиды в граждан, высшее благо личности трансформируется в общее благо государства (общества), которое затем само становится первостепенным этически значимым фактором.

Считая, будто я преувеличиваю роль индивидуальной морали, в особенности тогда преувеличиваю, когда утверждаю, что она может нести в себе новый, более высокий по сравнению с господствующим образ общественной морали, Вы говорите «отсюда следует, что можно быть моральным субъектом, игнорируя или опровер-

гая господствующие в обществе нормы и ценности». И добавляете, что так недалеко до этики субъективного произвола и практики индивидуального терроризма.

Я не просто допускаю возможность, что можно быть моральным субъектом, находясь в критическом отношении к господствующим в обществе нормам и ценностям. Я не просто допускаю это, я говорю, что только так и можно быть моральным субъектом. Разве не таковы все, кого мы возносим как высочайшие образцы нравственности, разве не таковы Сократ, Иисус Христос или Лев Николаевич Толстой, если остановиться только на этих трех именах. И если здесь что-то начисто отсутствует, так это – субъективный произвол. Нет ничего более далекого от субъективного произвола, чем идея морально суверенной личности. Морально окрашенным субъективным произволом чревата скорее точка зрения этического релятивизма и партикуляризма. Что касается практики индивидуального терроризма, то она, как правило, заявляет себя именно в качестве социальной позиции.

Наконец, о золотом правиле, – по Вашему мнению, для действующего субъекта не очень убедительному и чрезмерно абстрактному. Вас можно понять так, будто золотое правило есть нечто чуждое конкретным индивидам, навязанное им оторванными от жизни моралистами. Это совсем не так. Золотое правило нравственности на самом деле представляет собой реально и очень широко практикуемый людьми механизм нравственного поведения – практикуемый, в том числе также теми, кто никогда о таком правиле не слышал. Как часто мы в нашем повседневном опыте слышим такие выражения: а как бы ты поступил на моем месте? А если с тобой так поступят? А тебе бы понравилось, если с тобой бы обошлись таким же образом? И как часто мы сталкиваемся с ситуациями, которые нравственно оцениваются и анализируются в таких выражениях?! И разве в общественной практике, в том числе в международной политике мы не возмущаемся двойными стандартами, считая их отступлением от несомненного и общепризнанного нравственного канона?! Все эти примеры являются вариациями, выражениями (хоть и несовершенными) золотого правила нравственности, которое во всех представленных сегодня мировых культурах рассматривается в качестве первостепенного нравственного принципа.

Ю.М.: На мой взгляд, деление этик Платона не отрицает возможности выдвижения другой таксономии, например, различения философской этики или философии морали, с одной стороны, и прикладной этики, с другой. На этом настаивает, в частности, Р.Г. Апресян. Вы же, насколько я Вас понимаю, не признаете такую дифференциацию этик. Возможно, я не так расставляю акценты. В чем же заключается суть Вашего спора? В понимании Р.Г. Апресяна это – «область теоретического знания и практических разработок (консультирования, экспертизы, проектирования)», направленных на изучение императивно-ценностных аспектов конкретных видов деятельности и отношений. Предметом ее изучения выступают партикулярные или частнотиповые моральные практики (профессиональные, корпоративные и пр.) и повседневный нравственный опыт, а методологией анализа – ситуационный подход. Вы же отстаиваете нормативную этику как этику должного, а не возможного или уникального. Именно за ней закрепляется статус философской дисциплины. Имеет ли, с Вашей точки зрения, прикладная этика право на существование в рамках философского знания или это – особая научная дисциплина, которая относится к сфере прикладного знания?

А.А.: Вы знаете, я не сравниваю свою позицию по данному вопросу, как, впрочем, и по другим, с иными взглядами. Меня волнует не вопрос о том, кто прав в

понимании того или иного предмета, а в чем состоит это понимание. Поэтому я стараюсь не оценивать чью-либо позицию как ошибочную и практически остаюсь равнодушным, когда не соглашаются со мной, спорят, ругают. У меня, например, нет привычки отвечать на критику. Честно признаться, даже не слежу за этим. Вот Вы, как явствует из высказанных выше суждений, не принимаете идею морального абсолютизма, я бы даже сказал, что для человека, провозглашающего моральный релятивизм, слишком воинственно не принимаете.

На это я могу лишь сказать: и Вы тоже! Хотя не Брут, но тоже. И Вы тоже не видите то, что вижу я: не видите, что без идеи абсолютизма сама мораль лишается смысла и остается вообще непонятным, для чего нам даны разум и достоинство. Что без идеи морального абсолютизма человек оказывается мелким, ничтожным, теряет себя, свою самость, что без этого он не может сказать: на том стою и не могу иначе. Для меня яснее ясного: в мире, насквозь пропитанном ложью и насилием, философ не может говорить, будто в каких-то особых случаях (особые случаи вообще не для философа!) ложь и насилие допустимы, оправданы, давая тем самым каждому лжецу и насильнику повод думать, что его-то случай как раз и является особенным.

Теперь о том, что касается прикладной этики. Если ее понимать, говоря Вашими словами, в качестве «партикулярной или частнотиповой практики», то она, конечно, находится за пределами философской этики. Сами посудите: корпоративная этика и Спиноза, Маркс, Сартр... Вопрос не в том, что одно является низменным, а другое возвышенным, просто вещи типа корпоративной этики требуют специальных навыков, знаний, и философские подходы и проблемы в их число явно не входят.

Однако в рамках того, что именуется прикладной этикой, есть один совершенно новый сегмент, который можно обозначить как открытые моральные проблемы или открытая мораль, и который, на мой взгляд, входит в предметную сферу философской этики. Речь идет о таких предельных жизненных ситуациях в рамках разумно осмысленного и организованного человеческого опыта, как, например, эвтаназия, смертная казнь, клонирование и др., относительно которых в современном обществе нет общепринятых нормативных решений. Применительно к ним аргументы «за» и «против» оказываются по своему научному и общественному весу равнозначными.

Тем самым вся тяжесть выбора в каждом отдельном случае ложится на того или тех, кто является субъектом действия. Выбор в пользу эвтаназии, сделанный данным индивидом, оказывается таким же нравственно оправданным, как и выбор против нее, сделанный другим индивидом; разумеется, каждый из них делает выбор применительно к самому себе. Принципиальная новизна ситуации и заключенный в ней вызов философской этике заключается в том, что здесь не предварительно заданная общественная норма лежит в основании индивидуального решения, а, наоборот, индивидуальное решение задает общественную норму. Мне здесь видится новый этап развития и общественной морали и нравственной личности.

Ю.М.: Абдусалам Абдулкеримович! Я не против морального абсолютизма, но я не совсем понимаю, как его можно вывести из рефлексии индивидуального опыта и переживания себя в свободе.

Тем не менее, смею заверить, что большинство высказанных Вами идей мне понятно и близко, а со многими из них я готов согласиться целиком. Спасибо Вам за такое интересное, содержательное и вместе с тем эмоционально насыщенное начало нашей беседы.